

7411258154 (039)
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Учреждение образования
«Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

**СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ:
СИСТЕМНО-ОПИСАТЕЛЬНЫЙ
И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТЫ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

Материалы
IV Международной научно-методической конференции

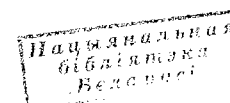
Брест, 25–26 ноября 2009 года

В двух частях

Часть 1

Под общей редакцией
кандидата филологических наук, доцента
О.Б. Переход

Брест
БрГУ имени А.С. Пушкина
2010

УДК 811.16(082)
ББК 80я43
С47

*Рекомендовано редакционно-издательским советом учреждения образования
«Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»*

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор
заведующий кафедрой белорусского литературоведения УО БрГУ имени А.С. Пушкина
З.П. Мельникова,
доктор филологических наук, доцент
заведующий кафедрой белорусского и русского языкознания УО БГПУ имени М. Танка
Т.Г. Трофимович

Редакционная коллегия:

кандидат филологических наук, доцент **С.А. Королевич**
кандидат педагогических наук, доцент **Г.В. Писарук**
кандидат филологических наук, доцент **О.А. Фелькина**
кандидат филологических наук, доцент **А.Ю. Яницкая**
кандидат филологических наук, доцент **Т.В. Сенькевич**
кандидат филологических наук, доцент **Н.Р. Якубук**

- C47 **Славянские языки: системно-описательный и социокультурный**
аспекты исследования : материалы IV Международ. науч.-метод.
конф., Брест, 25–26 ноября 2009 г. : в 2 ч. / М-во образования Респ.
Беларусь, Брест. гос. ун-т имени А.С. Пушкина ; редкол.
С.А. Королевич [и др.]. – Брест : БрГУ, 2010. – Ч. 1. – 258 с.
ISBN 978-985-473-552-8 (ч. 1).
ISBN 978-985-473-551-1.

В сборник вошли материалы выступлений Международной научно-методической конференции, посвящённой изучению славянских языков в синхронном, диахроническом, сопоставительном и социокультурном аспектах. В сборнике представлены статьи на русском, белорусском, украинском, польском и словацком языках.

Адресуется широкому кругу славистов – научным работникам, преподавателям, аспирантам, учителям, студентам филологических специальностей. Ответственность за языковое оформление и содержание несут авторы.

УДК 811.16(082)
ББК 80я43

ISBN 978-985-473-552-8 (ч. 1)
ISBN 978-985-473-551-1

© УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина, 2010

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

И.П. КУДРЕВАТЫХ

Республика Беларусь, г. Минск, УО «БГПУ имени М. Танка»

СОВРЕМЕННАЯ «ЖЕНСКАЯ» ПРОЗА: СПОСОБЫ СМЫСЛО- И ТЕКСТООБРАЗОВАНИЯ

Возникновение так называемой «женской» прозы демонстрирует сегодня становление новой парадигмы научного знания – гендерной лингвистики. Активно разрабатываемая в социокультурном, психоаналитическом и других аспектах, тема женского творчества исследуется и в языкознании [1; 6]. Согласно теории французского феминизма, основными признаками женской прозы являются невинность женского текста, нелинейность, особая свобода письма, порожденная вторжением «тела» в текст» [6, с. 349]. «...Понимание различий, которые наблюдаются в речи мужчин и женщин, а главное, понимание их как существенных, позволяет говорить о «женском» и «мужском» языках как отдельных, самостоятельных коммуникативных системах, точнее, о гендерно обусловленных противопоставлениях» [1, с. 25]. Лингвостилистические особенности женской манеры повествования позволяют говорить об особом языке и об особом стиле письма. Установить индивидуально-стилистическое своеобразие «женского» языка – значит, установить нарративную структуру произведений, способы их смысло- и текстообразования. Н.А. Фатеева, раскрывая особенности самоидентификации женщины-как-автора, рассматривает явления грамматического и словообразовательного уровней, проецируя их на другие уровни организации текста: характеристика по роду и полу (приписывание среднего рода особи женского пола, глагольное выражение идентификации по полу и др.), деминутивы как проявление семантики «уничтожения» (в том числе и самоуничтожения), негация как проявление отказа от своей «женственности» становятся стилеобразующими факторами «женской» прозы [6].

Материалом данного исследования послужили произведения В. Токаревой и Т. Толстой, творческая манера которых индивидуальна, как и индивидуальные смысловые объемы выразительных средств, участвующих в структурной организации текста, в частности иронии: ирония Токаревой – утонченно-мягкая, добрая, Толстой – разящая, иногда уничтожающая. Главная цель данной статьи – выявить сходства и различия авторской манеры повествования, средств выражения грамматико-стилистической категории модальности, ярким проявлением

которой становится прием иронии. Он определяет смысловое наполнение текста и становится текстообразующим элементом.

Отражая взаимоотношения людей, В. Токарева использует бифуркацию (или смысловую контаминацию) на уровне сверхфразового единства: («Коррида») *...хорошо, что сейчас нет Сережиной жены Светланы. Она бы учинила самосуд и всех истребила без суда и следствия: сначала шофера... потом бы его... а потом сама бы повесилась на крюке* [4, с. 253]. Трагизм ситуации, который создается контаминированием значений, воспринимается в грустно-ироничной форме. Значение глагола *истребить* как выражение действия с пейоративной оценкой, резко контрастирует с контекстом. В результате несоразмерности двух планов – выражения и содержания – возникает эмоционально-емкий смысл изображаемого. Функциональная нагруженность способа преобразования слова за счет столкновения значений рождает индивидуально-авторские метафоры: («Коррида») *«Не могу, – сказала она себе в зеркало. – Не могу, не могу, не могу...»*. Потом *отпустила свои губы и щеки от страдания, разгладила лоб. Жестко сказала: «Могу»* – и в зеркале выступило ее обычное лицо – умное и значительное, *со следами явной красоты и опытом долгих раздражений* [4, с. 278].

Диапазон экспрессивных возможностей языковых средств В. Токаревой при выражении иронии безграничен. Так, парцеллируя определенные структуры (второстепенные члены, неполные, односоставные предложения), автор создает аномативные, с точки зрения грамматики, но логически четкие, с точки зрения коммуникативной целесообразности, парцелляты со значением результата предшествующего действия или пояснения, например: («Инфузория-туфелька») *У меня был такой знакомый... Сумасшедший был. В диспансере на учете состоял. И некрасивый. Кровь, наверное, плохо перемешалась. Сыворотка* [4, с. 313]; («Северный приют») *Алексей лежит лицом вверх на самой одежке одиночества. Над ним 300 км катастрофы. Не всплыть: «Я только все мерзну и хочу есть»*. – «Это потому, что ты худой. Дебильный вес» [3, с. 78]. Стилистическая функция таких парцелляций – максимальная концентрация смыслов при лаконичности средств выражения. Еще Я. Мукаржовский писал, что «в искусстве мы оцениваем каждый элемент под углом зрения его отношения к структуре данного произведения, при этом мерилом оценки в каждом конкретном случае является функция элемента в такой структуре» [2, с. 416].

Синтаксическая функция парцелированных структур в языке В. Токаревой – это установление анафорических и катафорических отношений с другими единицами в структуре текстового целого. Например, в приведенном выше примере определение *сыворотка* как физиологическая

характеристика человека становится доминирующей и определяет уже в проспективном плане мотивы мужского поведения, например: («Инфузория-туфелька») *«...мужику в сорок нужна женщина в двадцать»*. – «А кому нужна женщина в сорок?» – «Никому» [4, с. 315].

Ирония Т. Толстой – это активизация значений на синтагматическом уровне: семантически нагруженный однородный ряд (асиндетон) способствует, с одной стороны, динамизму речи, а с другой – становится одним из способов текстообразования. Кроме того, прием экспрессивных контрастов, создающий символическую взаимообусловленность смысловых сфер, в произведениях Т. Толстой можно рассматривать как концептуальный метатроп, например: («Ложка для картоф.») *прошла под осуждающими взглядами бронированных бойцов охраны, под взглядами торговых работников, на дух не выходящих неновых нерусских, мимо витрины с остатками фарфора и грамматики («бюджет» – 225 000 р.)...* [5, с. 178]; («Сахар и пар: после, няя зима (Неевклидово кино-1)») *некая большая семья – мать, бабушка, сын, отец, двоюродные сестры, школьники, прохожие, пациенты, любовницы, москвичи, солдаты, сослуживцы, соседи, толпа на катке, шоферы, неизвестные люди. Народ... Школьная драка – ...насилие. Уличное побоище – насилие. Совместное проживание в перенаселенной коммуналке – насилие и мучительство и др.* [5, с. 317].

Ирония Т. Толстой, выстраивая ряды ассоциаций, перерастает в сарказм. Путем совмещения повествования от 1-го и 3-го лица автор стирает условную границу между своим взглядом и взглядом читателя. Предметно-смысловые связи слов переключаются в сферу эмоционально-оценочного. Например, в эссе «Русский мир», построенном по принципу рамочного обрамления с помощью антитезы, Толстая создает смысловую двуплановость – Россия как *сумасшедший дом*, где жить чем тяжелее, тем интереснее: *Если бы мне пообещали, что я всю жизнь буду жить только в России и общаться только с русскими, я бы, наверное, повесилась* [5, с. 401] *...если бы мне пообещали, что никогда не вернусь в Россию и не встречусь ни с одним русским, я бы, наверное, повесилась* [5, с. 413].

Средством выражения иронии в рассказах Толстой является и ритм, цель которого – усиление эмоционального и изобразительного эффекта. Используя настоящее постоянное, автор коррелирует ритм с изображением действительности, чем усиливает эстетическую оценку изображения. Объемные предложения, наполненные распространенными однородными членами, параллелизм структур, асиндетон и мн. др. способствуют смене ритма. В результате складываются перцептуальные пространственно-временные параметры текста, отражающие авторскую содержательно-концептуальную информацию: («Русский мир») *Россия – это большой*

сумасшедший дом, где на двери висит большой амбарный замок, зато стены нету; где потолки низкие, зато вместо пола – бездна под ногами; где врачи утратили разум, а пациенты по-своему очень хорошо соображают, что к чему, но притворяются ненормальными, и не потому, что хотят угодить врачам, в просто потому, что так интереснее, удобнее и волшебнее; где кошмары и ночные фантазии материализуются до полной осязаемости, а простые, подручные, необходимые предметы при ближайшем рассмотрении оказываются иллюзорными и бесплотными: протянешь руку – туман! [5, с. 401].

Название произведений В. Токаревой и Т. Толстой перспективно. Его семантическая функция раскрывается через дистантность денотатов, приобретающих на парадигматическом уровне новые коннотативные значения, причем в некоторых случаях может возникнуть «эффект обманутого ожидания». Например, в названии рассказа Токаревой «Инфузория-туфелька» изначально заложена пейоративная оценка: *живешь, как улитка, – жить при постоянном ровном освещении – домашний человек – простейший организм*. По мере развития действия прагматическая функция названия приобретает новый информативный статус, совершенно иную коммуникативную направленность: *Быть еще беспомощнее, еще зависимее и инфузористее; они, инфузории, – вечны, как вечна Земля, снег...* В названии эссе Т. Толстой «Надежда и опора» уже заданы определенные смыслы. По мере развития действия название приобретает иронические оттенки: *с помощью... словесных обручков что-то пытаются сказать друг другу родители и дети, друзья-приятели и даже влюбленные*.

Таким образом, ирония В. Токаревой и Т. Толстой, поданная в аллюзивно-метафорической форме, с одной стороны, выполняет текстообразующую функцию ассоциативной когезии на межтекстовом уровне, с другой, – становится выражением авторской оценки, постепенно подчиняя себе ценностную позицию адресата как выражение субъективной авторской модальности.

Список литературы

1. Коваль, В.И. Язык и текст в аспекте гендерной лингвистики / В.И. Коваль. – Гомель : ГГУ, 2007. – 218 с.
2. Мукаржовский, Я. Литературный язык и эстетический язык / Я. Мукаржовский // Пражский лингвистический кружок. – М., 1967. – С. 406–431.
3. Токарева, В. Скажи мне что-нибудь / В. Токарева. – М. : Эксмо, 1997. – 364 с.
4. Токарева, В. Между небом и землей / В. Токарева. – М. : АСТ, 2004. – 349 с.

5. Толстая, Т. День / Т. Толстая. – М. : Подкова, 2003. – 415 с.
6. Фатеева, Н.А. Современная русская женская проза : способы самоидентификации женщины-как-автора / Н.А. Фатеева // Стил. – Бања-лука-Београд, 2002. – № 1. – С. 349–362.

Н.А. МАКСИМЧУК

Российская Федерация, г. Смоленск, ГУО ВПО «СмолГУ»

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ФИЛОЛОГА В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ

Мы знаем, что ныне лежит на весах...

А. Ахматова «Мужество»

Исследования проблемы, связанных с восприятием языка как инструмента познания действительности, средства отражения духовных ценностей народа, с осознанием тесной связи языка и его носителя, с установлением личностно-определяющей роли языка, занимают в последние десятилетия всё большее пространство в кругу лингвистических и смежных с ними дисциплин. Результаты этих исследований прямо или косвенно свидетельствуют о том, что характеристика языка одновременно может служить характеристикой говорящего на нём человека и – шире – всего сообщества, объединяемого языковой общностью. Отсюда на первый план в исследованиях обозначенных проблем выходит понятие языковой личности [1]. Именно языковая личность, совмещающая в себе психические, языковые, социальные, культурные, этические и другие стороны, является тем полем, на котором сходятся во взаимодействии и взаимовлиянии язык и внеязыковая действительность со всеми вытекающими последствиями. Это естественным образом приводит к выявлению всё новых и новых вопросов, в том числе таких, которые ставит перед гуманитарными науками в целом и перед филологией, в частности, сама жизнь.

Один из таких вопросов состоит в следующем: какую роль может (должен?) выполнять филолог в современном обществе?

Чтобы приблизиться к ответу на поставленный вопрос, обозначим три важнейшие, на наш взгляд, исходные позиции в структуре названных выше проблем и – далее – интересующего нас вопроса. Сделаем это, обратившись к культурно-философскому наследию далёкого и совсем недавнего прошлого.

1. Первая позиция – понимание роли языка как важнейшей специфической принадлежности человека, выделяющей его из мира живой природы, отличающей человека от животного и обуславливающей развитие как отдельного индивида, так и общества в целом.

вечнасць, пра сваю ролю ў гэтым жыцці, пра тое, чаго не зрабіў ён, а павінен быў зрабіць, каб меў людскую галаву на плячах.

Аналіз фразеаўжывання ў творах У. Дамашэвіча паказвае, што пісьменнік актыўна ўжывае ўстойлівыя выразы ў апавесцях і апавяданнях як у нязменным выглядзе, так і з разнастайнымі зменамі.

Спіс літаратуры

1. Чагдуров, С.Ш. О выразительности слова в художественной прозе / С.Ш. Чагдуров. – Улан-Удэ, 1959. – 89 с.

2. Лепешаў, І.Я. Слоўнік фразеалагізмаў: у 2 т. / І.Я. Лепешаў. – Мінск: Беларус. энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008. – Т. 2. М–Я. – 704 с.

СОДЕРЖАНИЕ

ДОКЛАДЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

Кудреватых И. П. Современная «женская» проза: способы смысло- и текстообразования	3
Максимчук Н. А. Языковая личность филолога в социокультурном аспекте	7
Мезенка Г. М. Сацыялінгвістычныя і сацыякультурныя працэсы ў сферы гаданіміі: смаргонскія назвы вуліц	11
Ляшчынская В. А. Янка Купала і вытокаў нармавання беларускай літаратурнай мовы	16
Синюк В. Б. Образный мир рассказа А.И. Солженицына «Матренин двор»	22
Сенкевич В. И. Два мовы – два языка (метаязык культуры и языка искусства)	27
Фелькина О. А. Современные лексико-семантические преобразования: засорение или развитие языка (на материале русского и чешского языков)	32

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Алхипова Е. Е. Podstawowe różnice w zakresie łączliwości czasowników polskich i rosyjskich (rekcja bezprzyimkowa) ..	41
Боженко Л. Н. Орфографические принципы как системообразующий фактор орфографии современного русского и белорусского языков	45
Бубновіч І. І. Сінтэтычная форма будучага складанага часу дзеясловаў незакончанага трывання ў беларускай і іншых славянскіх мовах	49
Бырда И. В. Коммуникативные клише в языке газеты: позиции в тексте и распределение иллокутивных сил (на материале русского и английского языков)	53
Wadas-Woźny Hanna Эмоциональная деривация и перевод	57
Верамяюк Г. А. Асабовыя жаночыя найменні паводле знешніх прыкмет у беларускай і рускай мовах	61
Иванова В. М. Поэтический интекст в повести Дж. Р. Толкиена «Хоббит» и его перевод	65
Митюкова Е. А. Корреляция основных грамматических категорий латинского, русского и белорусского глаголов	69
Переход О. Б. Сочетаемостные характеристики глаголов движения в русском и белорусском языках	73